
Михаил Октябрьский
Судьба
Роман
Иногда, чтобы найти себя,
нужно потерять привычное...

Михаил Октябрьский
«Судьба»

https://litres.ru/75049292
SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей давно привык жить правильно. Вставать в одно и то же время, не спорить, не рисковать, не создавать проблем. Его жизнь напоминает хорошо отлаженный механизм: всё работает, ничего не ломается — только самого Алексея в этой жизни становится всё меньше.

Однажды обычное собрание жильцов неожиданно меняет привычный ход событий. Там он встречает Надежду — женщину, которую когда-то любил и которую, казалось, навсегда оставил в прошлом. Она смеётся над житейскими мелочами, танцует на кухне под присмотром собаки Пуговки и умеет находить красоту там, где другие видят лишь повседневность.

Постепенно рядом с ней Алексей начинает замечать то, чего прежде не видел: вкус утреннего чая, живое дыхание города, собственные желания и право отказаться от того, что противоречит его совести.

«Судьба» — это история о любви, внутреннем взрослении и втором шансе. О том, что иногда судьба не ведёт нас за руку, а лишь приоткрывает дверь. И только от нас зависит, решимся ли мы войти.

Содержание

Михаил Октябрьский 4
Судьба 5
Часть 1 5
Часть 2 12
Часть 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Михаил Октябрьский «Судьба»

Михаил Октябрьский

Судьба

Часть 1

Он жил на восьмом этаже дома, который когда-то строили как временное жильё. Однако дом простоял уже тридцать лет и, судя по всему, собирался пережить ещё не одно поколение временных обитателей.

Серый фасад, лифт, который размышлял дольше, чем ехал, и подъезд, где всегда пахло чужими жизнями: жареными котлетами, табаком, стираным бельём и чем-то ещё, чему трудно подобрать название, но что безошибочно узнаётся в любом многоквартирном доме.

Его звали Алексей. Обычное, удобное имя — без острых углов. Таким легко подписывать отчёты, ставить галочки в таблицах и оставаться незаметным среди множества других людей.

Каждое утро он вставал ровно в 7:42. Не потому, что этого требовали обстоятельства. Просто однажды так сложилось, а потом привычка незаметно превратилась в правило.

Вообще, у привычек есть удивительное свойство: если человек вовремя не решается выбрать собственную судьбу, они охотно делают это за него.

Алексей любил предсказуемость. Вернее, убеждал себя, что любит. На самом деле за его тягой к порядку скрывался страх перед неизвестностью. Всё, что нельзя было заранее просчитать, вызывало тихую тревогу. Он редко называл её по имени. Да и вообще не слишком любил слова, после которых приходится что-то менять.

На работе его уважали. Не любили — именно уважали. Коллеги называли его надёжным, спокойным, исполнительным, человеком без неприятных сюрпризов. Алексей улыбался, кивал и продолжал заниматься своим делом.

Иногда ему казалось, что его жизнь напоминает хорошо настроенный принтер: немного шумит, исправно работает, выдаёт необходимый результат. И никому нет дела до того, что происходит внутри.

В детстве его часто хвалили за то, что он не создаёт проблем.

Тогда это звучало почти как признание в любви.

Когда отец уставал, в доме становилось тихо. Не той уютной тишиной, в которой приятно читать книгу или слушать дождь за окном, а другой — напряжённой, настороженной. Такой, в которой ребёнок поневоле учится распознавать чужое настроение раньше собственного.

Алексей рано усвоил нехитрую науку: лучше не спорить, не просить лишнего, не задавать неудобных вопросов и вообще занимать как можно меньше места.

Тогда всё будет спокойно.

Он вырос человеком, рядом с которым всем было удобно.

Кроме него самого.

В обеденный перерыв Алексей покупал кофе в бумажном стаканчике и, устроившись у окна, просматривал новости в телефоне. Лента жила бурной жизнью: люди женились, разводились, переезжали в другие города, открывали собственное дело, отправлялись в путешествия, начинали всё сначала.

Он медленно листал чужие судьбы большим пальцем, словно проверял их на наличие неисправностей. Его собственная жизнь казалась вполне исправной. Просто немного потускневшей, как старая фотография, которую слишком долго держали на солнце.

Иногда он вспоминал её.

Не часто. Воспоминания вообще не признают расписаний. Они появляются без приглашения — обычно в тот момент, когда человек уже не может ничего изменить.

Они познакомились много лет назад, ещё в те времена, когда слова «ипотека» и «выгорание» не звучали почти как медицинские диагнозы. Она смеялась легко, словно смех ничего не стоил, и постоянно опаздывала. Не из неуважения к другим — просто ей казалось, что жизнь вполне способна немного подождать.

Рядом с ней Алексей временами испытывал странное чувство: будто жить можно не только правильно, но и по-настоящему.

Однажды она сказала ему:

— Ты всё время живёшь так, словно репетируешь. А когда будет спектакль?

Он тогда улыбнулся. Не понял? Или испугался, что понял слишком хорошо.

Он любил её. Наверное. По-своему.

Но любовь требует присутствия. А Алексей всю жизнь прожил словно вполсилы, осторожно придерживая себя за плечо, будто берег для чего-то важного, что непременно должно было начаться потом.

Потом наступила пауза. Долгая, неловкая, похожая на затянувшееся молчание в лифте. Появились другие люди, другие города, редкие сообщения с дежурным «Как ты?», за которыми уже ничего не следовало.

А затем жизнь словно закрыла старую вкладку, даже не спросив, нужно ли сохранить изменения.

Теперь Алексей жил один.

Иногда покупал два йогурта вместо одного — по старой памяти. Иногда, возвращаясь домой, машинально проверял телефон, ожидая сообщения, которое уже давно некому было отправить.

Самое страшное одиночество начинается не тогда, когда рядом никого нет.

А тогда, когда тебе уже некому показать себя настоящего. Потому что ты и сам давно забыл, какой он — этот настоящий ты.

По вечерам Алексей включал телевизор, убавлял звук до нуля и смотрел на мелькающие лица. Чужие эмоции, признания в любви, семейные ссоры, расставания, счастливые встречи. Всё это напоминало ему параллельную реальность — такую же настоящую, как его собственная, только почему-то совершенно недоступную.

Однажды, возвращаясь домой, он заметил объявление, приклеенное к двери подъезда:

«Собрание жильцов. Будем решать судьбу дома».

Слово «судьба» показалось ему неожиданно громким для листка бумаги, прикреплённого обычным скотчем.

В квартире Алексей сел у окна.

Город жил своей привычной жизнью: светились окна, сигналили автомобили, торопились прохожие. Кто-то возвращался с работы, кто-то спешил на свидание, кто-то звонил близким, чтобы сообщить о пустяке, которым почему-то хотелось поделиться именно с ними.

И вдруг Алексей ясно понял одну неприятную вещь: ничего по-настоящему трагического с ним не произошло. Его никто не предал, не обманул, не сломал. Не случилось катастрофы, после которой пришлось бы собирать жизнь по кусочкам.

Он просто слишком долго ждал момента, когда наконец можно будет жить без страха.

Не ошибиться.

Не потерять.

Не показаться смешным.

Не услышать в свой адрес неодобрение.

И пока он ждал, жизнь происходила без него.

Эта мысль не была громкой. Она не обрушилась на него внезапным озарением и не потребовала немедленных решений.

Она просто оказалась точной.

Алексей налил себе чаю и кухня снова погрузилась в привычную тишину.

Чай постепенно остывал. Но на этот раз Алексей не отвернулся от чашки, не потянулся к телефону и не стал включать телевизор. Он сидел у окна, наблюдая, как над поверхностью напитка медленно тают последние струйки пара.

Впервые за долгое время он не пытался убежать от собственной жизни. Даже от той, которая ему совсем не нравилась.

И в этой тишине, среди остывающего чая и серого света за окном, он вдруг почувствовал нечто большее, чем привычную пустоту.

Боль.

Настоящую, живую, не приглушённую годами осторожности.

Значит, внутри ещё оставалось что-то, способное болеть. А если так, возможно, не всё потеряно.

Алексей закрыл глаза и впервые за долгое время позволил себе подумать честно:

Может быть, судьба — это не только то, что с человеком случается.

Может быть, это ещё и то, на что он соглашается снова и снова.

От этой мысли стало тяжело.

И почему-то немного легче дышать.

За окном постепенно гасли окна. Дом погружался в вечерний сон, словно старый корабль, медленно уходящий в тёмную даль моря.

Алексей продолжал сидеть неподвижно.

Но где-то глубоко внутри, в той части души, которую он так долго старался не тревожить, впервые за много лет что-то перестало мириться.

И это было началом.

Часть 2

«Собрание жильцов. Будем решать судьбу дома».

Алексей ещё раз перечитал объявление, прежде чем войти в подъезд.

Странно. Иногда достаточно одного слова, чтобы привычный день вдруг перестал быть обычным. Словно кто-то незаметно переставил декорации, а ты всё ещё пытаешься играть по старому сценарию.

Обычно подобные собрания Алексей обходил стороной. Дом жил своей жизнью, не слишком интересуясь его мнением. Кто-то ругался с управляющей компанией, кто-то требовал заменить трубы, кто-то собирал подписи, а кто-то писал жалобы, содержание которых менялось гораздо чаще, чем адресаты.

Всё это напоминало бесконечный сериал, который можно смотреть с любой серии: герои те же, проблемы знакомые, финал предсказуем.

Алексей привык быть пассивным зрителем.

Так спокойнее.

Так безопаснее.

Так... одиноко.

Он усмехнулся собственным мыслям.

— Может, действительно сходить? — негромко произнёс

он, поднимаясь по лестнице.

И неожиданно сам себе ответил:

— Почему бы и нет?

На площадке второго этажа он даже остановился, удивившись собственной решительности. Пожалуй, впервые за долгое время он собирался сделать что-то не потому, что так было нужно, а просто потому, что захотелось.

Когда человек начинает разговаривать с собой вслух, это вовсе не означает, что он сошёл с ума. Иногда это значит, что внутри него наконец появился собеседник.

Бывшая диспетчерская оказалась неожиданно тесной.

Пластиковые стулья скрипели, словно жаловались на возраст. Кто-то оживлённо спорил о капитальном ремонте, кто-то рассказывал, как опять потекла крыша, хотя жил на первом этаже, а кто-то уже заранее был недоволен любым решением, которое ещё даже не успели предложить.

Жизнь.

Настоящая. Шумная. Немного смешная.

Алексей выбрал последний ряд и устроился на свободном стуле. По привычке. Отсюда было удобно наблюдать за людьми и почти невозможно оказаться в центре разговора.

Председатель дома поднялся, поправил очки и приготовился начать собрание.

— Уважаемые соседи…

В этот момент дверь распахнулась.

— Простите! Простите! Я опять опоздала!

В комнату стремительно вошла женщина. Она улыбалась так искренне, словно опоздание было не поводом для оправданий, а небольшим приключением, которым непременно следовало поделиться с окружающими.

— Надежда Евгеньевна, — с притворной строгостью произнёс председатель. — Вы когда-нибудь приходите вовремя?

— Конечно.

— Правда?

— Нет, — рассмеялась она. — Но однажды обязательно попробую.

По комнате прокатилась волна смеха. Даже председатель, уже приготовивший очередное замечание, не удержался от улыбки.

— И что на этот раз?

— Чайник решил, что без него собрание не начнётся, — совершенно серьёзно ответила женщина.

— Чайник?

— Разумеется. Он так громко свистел, что пришлось объяснить ему: сегодня зрителем будет собака.

— А собака?

— Собака посмотрела на меня так укоризненно, будто я предаю наши утренние танцы.

— Какие ещё танцы? — поинтересовался кто-то из соседей.

Надежда пожала плечами, словно вопрос показался ей совершенно естественным.

— Самые обычные. Каждое утро включаю музыку и танцую на кухне.

— Одна?

— Почему одна? — искренне удивилась она. — У меня есть собака, чайник, иногда солнце заглядывает в окно. Ещё голубь прилетает на подоконник. Очень благодарная публика, между прочим. Ни разу не попросила вернуть деньги за билеты.

Соседи снова рассмеялись.

Алексей не смеялся.

Он смотрел на неё.

Сначала просто слушал голос, затем всматривался в лицо, пытаясь совместить женщину, стоявшую сейчас посреди комнаты, с образом, который столько лет хранился где-то в глубине памяти.

Она изменилась. Конечно, изменилась. Время никого не обходит стороной, хотя некоторые люди умудряются встречать его так, будто оно пришло не забирать, а приносить подарки.

Но улыбка...

Эту улыбку он узнал бы среди сотен других.

Память осторожно приоткрыла дверь, которую он когда-то захлопнул сам. За ней мелькнули летние вечера, случайные встречи, разговоры до темноты и её смех — лёгкий, чуть озорной, совершенно не умеющий просить разрешения.

Алексей почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

Он даже не сразу понял, что перестал слышать разговоры соседей.

Надежда повернулась к последнему ряду.

Их взгляды встретились.

На мгновение она словно потеряла нить разговора. Улыбка осталась на лице, но стала другой — осторожной, удивлённой. Она всмотрелась в него, будто проверяла собственную память.

— Лёша?..

Имя прозвучало негромко, почти шёпотом.

Алексей медленно поднялся.

Он хотел сказать что-нибудь непринуждённое, пошутить, улыбнуться так, словно они расстались вчера и сегодня просто случайно встретились в соседнем магазине. Но слова почему-то не находились.

— Здравствуй, Надя.

Она несколько секунд смотрела на него. Потом улыбнулась — уже не для соседей, не для председателя, не для поддержания весёлой атмосферы.

Ему.

— Надо же… А я ведь сразу тебя узнала.

— Правда?

— Конечно.

Он неловко провёл ладонью по рукаву пиджака.

— Но я изменился.

— Внешне — да.

Она чуть наклонила голову, разглядывая его с той непосредственностью, которую он когда-то так хорошо знал.

— А вот глаза всё ещё ждут разрешения жить.

Алексей невольно опустил взгляд.

Фраза оказалась неожиданно точной. Не обидной, не назидательной. Просто точной, как диагноз, который врач произносит без лишнего драматизма.

Председатель негромко кашлянул.

— Может быть, сначала всё-таки собрание?

Надежда весело подняла руки.

— Конечно! Судьба может подождать ещё сорок минут.

— Судьба? — переспросил Алексей.

— Ну а что? — рассмеялась она. — Мы же именно её сегодня пришли обсуждать.

И снова повернулась к соседям.

Алексей медленно сел.

Впервые за долгое время ему показалось, что он оказался не там, куда собирался, а именно там, где должен был оказаться.

Часть 3

Собрание закончилось почти через час.

К собственному удивлению, Алексей впервые за долгое время слушал разговоры соседей не как посторонний наблюдатель. Он даже высказался по поводу ремонта подъезда, предложив сначала проверить состояние коммуникаций и только потом принимать решение о замене отдельных участков.

Его услышали.

И, что оказалось ещё удивительнее, никто не посчитал нужным спорить просто ради самого спора.

Оказывается, люди не всегда конфликтуют потому, что любят выяснять отношения. Иногда им просто хочется, чтобы их услышали.

На улице уже начинало темнеть. Тёплый ветер лениво перебирал листья старых лип, а в окнах соседних домов постепенно зажигался свет. День медленно уступал место вечеру, словно нехотя передавая ему город.

Они вышли вместе.

Некоторое время шли молча. Но это было совсем не то молчание, которое требовало срочно заполнять паузы случайными словами. Скорее, оба пытались привыкнуть к неожиданному соседству прошлого и настоящего.

— Представляешь, — первой заговорила Надежда, — сегодня утром мой чайник снова засвистел раньше времени.

Алексей повернул к ней голову.

— Он у тебя очень разговорчивый?

— Ещё какой!

— И что он сказал?

Она посмотрела на него с совершенно серьёзным видом.

— Что нельзя откладывать хорошее настроение до выходных.

Алексей улыбнулся.

Не из вежливости. Не потому, что так принято реагировать на шутку. Просто улыбнулся — и сам заметил, насколько давно не испытывал такого лёгкого, почти мальчишеского чувства.

— Ты совсем не изменилась, — сказал он.

— Ошибаешься.

Надежда остановилась и посмотрела на него внимательнее.

— Очень изменилась.

— Правда?

— Конечно. Раньше я думала, что счастье нужно искать. Перебирала варианты, строила планы, ждала подходящего момента. А потом поняла одну простую вещь.

Она подняла с земли маленький жёлтый лист, повертела его между пальцами и улыбнулась.

— Оно часто уже сидит рядом. Просто мы слишком заня-

ты поисками чего-то другого.

Они снова пошли вперёд.

— Знаешь, Лёша… — Надежда посмотрела на него с тем самым лукавым выражением, которое он помнил ещё с молодости. — Можно я буду иногда называть тебя прежним Лёшей, а иногда новым?

— А между ними есть разница?

— Пока небольшая.

Она улыбнулась.

— Но она уже появилась. И это самое интересное.

Алексей хотел что-то ответить, однако неожиданно понял, что ему совершенно не хочется казаться умнее, правильнее или спокойнее, чем он есть на самом деле.

Хотелось просто идти рядом.

Слушать.

Смеяться.

И, возможно, хотя бы ненадолго перестать контролировать каждое слово.

Он ещё не знал, что очень скоро начнёт называть её Нандини. Не потому, что это имя красивее привычного. Просто иногда человеку хочется дать особое имя тому чувству, которое невозможно выразить обычными словами.

Они дошли до перекрёстка, где дорога расходилась в разные стороны.

Обычно именно здесь люди обменивались привычными фразами:

«Ну, до встречи».

«Созвонимся».

«Береги себя».

Слова, которые чаще служат вежливым мостиком к расставанию, чем настоящим обещанием новой встречи.

Но Надежда неожиданно посмотрела на часы.

— У тебя есть двадцать минут?

Алексей удивился.

— Наверное… есть.

— Прекрасно.

— Для чего?

Она улыбнулась.

— Чтобы выпить чаю.

Он машинально посмотрел в сторону своего дома.

— Может быть, в кафе?

— Нет.

— Почему?

— Потому что чай в кафе не знает, кто ты такой. А домашний знает.

Алексей рассмеялся.

— Это самая странная причина, которую я когда-либо слышал.

— Зато честная.

Она повернулась и уверенно направилась к своему подъезду. Через несколько шагов оглянулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.